

А.В. Каменец

ПРОБЛЕМЫ
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ
КУЛЬТУРЫ

Александр Владленович Каменец

Проблемы духовно- нравственной культуры

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19425418

Проблемы духовно-нравственной культуры: РИТМ; Москва; 2014

ISBN 978-5-98422-234-1

Аннотация

<p id="_GoBack">Монография представляет собой обобщение результатов исследования автором проблем духовно-нравственной культуры преимущественно на материале русской художественной литературы и отечественной философской мысли. При этом автор соотносит свои изыскания с достижениями мировой этики, с учетом отечественных культурных и духовных традиций. Особый интерес для специалистов в этой сфере могут представлять раскрываемые в монографии авторские подходы к изучению достижений духовно-нравственной культуры с позиций социального взаимодействия и игрового коммуникативного пространства с участием литературных персонажей. Издание рассчитано на широкий круг читателей, включая исследователей и педагогов, организующих процессы формирования и освоения духовно-нравственных ценностей в современном социуме.

Содержание

Введение	5
1. Сущностные характеристики понятий «нравственность» и «мораль» в современной этике. Их различия и взаимосвязь	8
2. Институциональные и внеинституциональные возможности формирования духовно- нравственной культуры. Потенциал их взаимодействия в российском обществе	31
3. Роль литературно-художественных традиций в русской ментальности как предпосылки формирования духовно-нравственной культуры	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

А. В. Каменец
**Проблемы духовно-
нравственной культуры**

© Каменец А. В., 2014

© ООО «Квант Медиа», 2016

Введение

Одним из вызовов, перед которым оказалось современное российское общество, является потеря многими гражданами ясных духовно-нравственных ориентиров в собственной жизнедеятельности и во взаимодействии с социумом. Это явление не столько связано с «издержками» переходного постсоветского периода, сколько с нарастающей дегуманизацией всех сфер общественной жизни, имеющей продолжительную историю.

Автор монографии не ставил своей задачей дать развернутую ретроспективу этого процесса. Важнее было осуществить некоторую реконструкцию и актуализацию ценностей и смыслов духовно-нравственной культуры, имеющих непреходящее значение для российского общества с учетом духовно-культурных традиций и национально-культурного менталитета нашего народа.

Отдавая себе отчет в сложности этой задачи, автор пока ограничил свое рассмотрение духовно-нравственной проблематики на материале русской художественной литературы, которая содержит в себе до конца еще не осмысленный и невостребованный огромный потенциал в формировании духовно-нравственной культуры личности и общества.

Такой акцент в раскрытии темы монографии позволил также автору избежать щекотливой ситуации встречаемо-

го прямого сопоставления (или противопоставления?) религиозных и «светских» духовно-нравственных ценностей в современной либерализованной российской действительности.

Русская художественная литература в этой связи может рассматриваться в качестве масштабного проекта возрождения и совершенствования духовно-нравственной культуры личности и общества в соответствии с общенациональными смыслами и культурными кодами. Эта возможность духовно-нравственного совершенствования раскрывается в отечественных произведениях русской классики, как правило, на том глубинном уровне «внутренних готовностей» личности, где формируются базовые представления и установки по отношению к себе и к обществу.

Кроме того, в литературно-художественном пространстве осуществляется своеобразная диагностика наиболее типичных духовных неблагополучий общества, возникающих из разрыва институциональных и внеинституциональных пространств существования духовно-нравственной культуры, «официальной» общественной морали и индивидуального духовно-нравственного опыта. Этот разрыв, к сожалению, является устойчивой тенденцией в духовной истории России и, возможно, одной из основных причин возникновения духовно-нравственных проблем общества.

В качестве одной из желательных образовательно-воспитательных стратегий выхода из этой ситуации автором пред-

лагается использовать культуротворческий и педагогический потенциал русской художественной литературы на основе концепции социального взаимодействия, которой посвящены специальные разделы монографии. Эта концепция является альтернативой сложившейся практике одностороннего воздействия (вместо взаимодействия) со стороны различных институционализированных организаций, учреждений, субъектов на духовный мир личности, часто лишенной возможности самостоятельного нравственного выбора и опыта творческого освоения духовно-нравственных ценностей (прежде всего в сфере образования и в системе средств массовой информации).

Обращение в монографии к русской художественной литературе как ресурсу формирования духовно-нравственной культуры также позволило автору представить основное проблемное поле в решении задач нравственного становления личности; определить дальнейшие перспективы возрождения духовности в самых различных общественно значимых сферах человеческой деятельности и в общественной жизни; выявить соответствующие педагогические подходы и исследовательские стратегии в изучении русской художественной литературы как «человековедческого» знания и «жизневедения», имеющих духовно-нравственное значение.

1. Сущностные характеристики понятий «нравственность» и «мораль» в современной этике. Их различия и взаимосвязь

Для рассмотрения этих понятий имеет смысл обратиться вначале к определению этики как науки и практического знания о морали и нравственности. «Термин „этика“ происходит от древнегреческого слова „ethos“. Первоначально под этосом понималось привычное место совместного проживания, дом, человеческое жилище, звериное логово, птичье гнездо. В последующем оно стало по преимуществу обозначать устойчивую природу какого-либо явления, обычай, нрав, характер... Отталкиваясь от слова „этос“ в значении характера, Аристотель образовал прилагательное „этический“ для того, чтобы обозначить особый класс человеческих качеств, названных им этическими добродетелями. Этические добродетели являются свойствами характера, темперамента человека, их также называют душевными качествами. Они отличаются, с одной стороны, от аффектов как свойств тела и, с другой стороны, дианоэтических добродетелей как свойств ума. К примеру, страх – природный аффект, память – свойство ума, а умеренность, мужество,

щедность – свойства характера. Для обозначения совокупности этических добродетелей как особой предметной области знания и для выделения самого знания как особой науки Аристотель ввел термин „этика“ [14, с. 9].

Таким образом, в понимании древних мыслителей этика изучает такие качества человека, которые необходимы ему для его устойчивого существования и устойчивости черт характера. Обратим внимание на то, что изначально при этом предполагалось в качестве «этоса» также выделять место обитания человека, животного, птицы и т. д. И в этом можно обнаружить глубокий смысл – та или иная укорененность человека в социуме, чувство «малой Родины» являются одним из существенных проявлений нравственного начала в человеке. А это именно то, что дается человеку от рождения как социокультурный контекст его существования. Понятие «своего дома» включает в себя не только жилище, но и ближайшее окружение, воплощающее «крышу дома своего». Вспомним знаменитую песню «С чего начинается Родина». Последняя ассоциируется и с «картинкой в букваре», и «с товарищами со двора», и «с песни, что пела нам мать» и т. д.

Отметим также, что «этическое» Аристотель связывает с чертами характера, т. е. с теми личностными качествами, которые отличают одного человека от другого. Не случайно, что человека, редко проявляющего в ситуации социального давления собственные индивидуальные черты, часто называют «бесхарактерным». В этическом контексте последнее

становится синонимом безнравственности. Почему именно безнравственности?

Для ответа на этот вопрос уместно обратиться к самому корню слова «нравственность» – «*нрав*», а также производному от этого корня слову «*нравиться*». Если следовать логике этого значения слова, то получается, что нравственный человек – это тот, который делает то, что ему *нравится*, что не всегда совпадает с интересами окружающих (вспомним, известное «купеческое» – «*ндраву моему не препятствуй!*»). Но тогда получается, что любой «махровый эгоист», индивидуалист является более нравственным, чем, например, коллективист, ставящий общественные интересы выше собственных. Но не будем торопиться с выводами.

Для начала обратимся к происхождению другого понятия, которое является также ключевым для этики – «мораль». Это понятие, как известно, ввел Цицерон на латинском языке («*moralis*» т. е. «моральный»), образовав его от слова «*mos*» (*mores* – мн. число), которое стало синонимом понятия «нравственность». До настоящего времени в современной литературе по этике сплошь и рядом можно встретить употребление слов «нравственность» и «мораль» через запятую как обозначение одного и того же явления. Например, в одном из самых авторитетных учебников по этике встречаем следующее определение: «... под этикой главным образом подразумевается соответствующая ветвь знания, наука, а под моралью (нравственностью) изучаемый ею

предмет» [14, с. 10].

И далее: «В рамках учебной дисциплины „этикой“ мы будем называть науку, область знания, интеллектуальную традицию, а „моралью“ или „нравственностью“, употребляя эти слова как синонимы, – то, что изучается этикой, ее предмет» [14, с. 11].

Но, на наш взгляд, не случайно Цицерон ввел понятие морального от понятия «множественное число» (см. выше). Мораль есть порождение сообщества, общества, социальной группы и т. д., и, соответственно, предполагает наличие соответствующих групповых и коллективных моральных норм, которым должен подчиняться член данной общности, группы и т. д.

В конце концов можно было бы и смириться с отождествлением понятий «нравственность» и «мораль», если бы не одно важное обстоятельство. Одной из острейших проблем формирования духовно-нравственной культуры является распространенный разрыв между индивидуальной нравственностью человека и общественной моралью, которая может даже быть господствующей. Так, можно говорить о существовании безнравственной морали, когда подавляется личность, ее индивидуальная совесть и общество становится преступным (например, принуждающий всех к конформизму во имя нацистских идей политический режим). Но можно говорить и об аморальной нравственности (например, нравственность уголовных элементов, живущих не

по законам морали и права, но по собственному разумению должного и возможного).

В вышеупомянутом учебнике по этике приводится также значимое для нас различие Гегелем морали и нравственности: «...под моралью понимается субъективный аспект соответствующих поступков, а под нравственностью – сами поступки в их объективно развернутой полноте: мораль – то, какими видятся поступки индивиду в его субъективных оценках, умыслах, переживаниях вины, а нравственность – то, какими на самом деле являются поступки человека в реальном опыте семьи, народа, государства. Можно выделить также культурно-языковую традицию, которая понимает под нравственностью высокие основополагающие принципы, а под моралью – приземленные, исторически изменчивые нормы поведения; в этом случае, например, заповеди Бога именуются нравственными, а наставления школьного учителя – моральными» [14, с. 10].

В приведенных определениях особый интерес для теории и практики формирования духовно-нравственной культуры представляет отнесение нравственности как к устойчивому базису, на котором могут основываться те или иные моральные установления, подверженные той или иной конъюнктуре, изменчивым общественным запросам и т. д.

Важно также отметить, что моральные оценки, по мнению Гегеля, есть результат субъективного отношения, самоанализа или анализа личности «со стороны», где так или ина-

че присутствует голос «общественного мнения». Сфера же нравственного – это истинная суть человека, проявляющаяся прежде всего в его мыслях и чувствах. В этом различии в опосредованной форме отражается одна из основных проблем духовно-нравственной культуры – сформированность потребности «быть» (устойчивое нравственное начало в человеке), а не «казаться» (показная мораль) в качестве носителя тех или иных нравственных норм.

Вместе с тем, конечно, не следует думать, что мораль это просто внешне красивые и приемлемые для общества проявления личности, иногда прикрывающие ее безнравственные установки. Как истинная мораль не может существовать без истинной нравственности в качестве фундамента моральности личности, так и нравственность также не может полноценно развиваться без ее связи с моралью, которая современными этиками оценивается как своего рода проект, задание по отношению к тому, чем должна стать полноценная личность. Соответственно, мораль имеет два обличья:...а) как характеристика личности, совокупность моральных качеств, добродетелей, например правдивость, честность, доброта; б) как характеристика отношений между людьми, совокупность моральных норм (требований, заповедей, правил), например «не лги», «не кради», «не убий» [14, с. 12].

Моральные нормы есть не просто регулятор нравственного развития личности, но и предоставление дополнительных возможностей для такого развития. Именно этот жизне-

ческий аспект морали недостаточно осмыслен в современной практике формирования духовно-нравственной культуры. Приведем пример. Допустим, ребенок хочет играть на том или ином музыкальном инструменте. Но для того, чтобы приобрести соответствующие исполнительские умения и навыки, мало одного желания («нрава» музыканта), необходимы определенные усилия как проявления соответствующих личностных качеств (воли, усердия, усидчивости, целеустремленности и т. д.) в соответствии с требованиями к ребенку как будущему музыканту. Последнее означает, что эти развиваемые личностные качества должны соответствовать определенным моральным требованиям, главным из которых является стремление доставлять благо своим искусством окружающим людям по законам «добра и красоты». Удовлетворяя этому, казалось бы, внешнему требованию, ребенок становится истинным музыкантом, поскольку его доминирующей мотивацией является не желание сиюминутного успеха, любования собой и т. д., а любовь к самой музыке, что делает его настоящим творцом в сфере искусства. Но если ребенок руководствуется сугубо эгоистическими мотивами (например, прославиться) как главными, то он никогда и не станет настоящим музыкантом (в лучшем случае будет «факиром на час»); музыка не станет частью его образа жизни, жизненным призванием и т. д. Его музыкальные способности будут в значительной мере блокированы себялюбием и самолюбованием. В этой связи нельзя не вспомнить знаме-

нитый завет К. С. Станиславского актерам: «Любите искусство в себе, а не себя в искусстве». Невыполнение этого завета оборачивается актерской фальшью и отсутствием творческого роста. Так моральное требование фактически становится одним из важнейших условий обретения творческой свободы и полноценной самореализации личности в исполнительской деятельности.

В то же время мировая этическая мысль произвела и общее базовое требование к нравственности, которое является главным условием морального развития нравственных качеств личности. Это – «золотое правило нравственности», которое в обобщенном виде звучит так: «Не делай другому того, чего не желаешь, чтобы делали по отношению к тебе». Это правило так или иначе формулировалось уже в самых различных древних культурах – древнекитайской (Конфуций), древнеиндийской (Будда), древнегреческой (семь мудрецов). В позитивной форме оно было дополнено в Нагорной проповеди Иисуса (от Матфея, от Луки), т. е. наряду с отрицанием делания зла ближнему предлагается обязательное делание добра окружающим. В позитивной форме оно выглядит симметричным по отношению к сформулированному ранее «золотому правилу нравственности»: «Делай другому то, чего желаешь, чтобы делали по отношению к тебе».

Почему это добавление является важным и носит универсальный характер? В качестве ответа на этот вопрос приведем житейский пример. Представим себе, что в вашем при-

сутствии совершается насилие по отношению к какому-либо человеку. Если ограничиться отрицательным пониманием «золотого правила нравственности», то вы не должны вмешиваться, чтобы помочь жертве насилия, поскольку ваша совесть чиста – вы ведь не совершаете сами насилия над другим! В качестве дополнительного обоснования этой позиции может быть установка на то, что борьбой с насилием должны заниматься правоохранительные органы, вы не обязаны помогать каждому встречному и т. д. Но эта позиция в конечном счете даже с чисто прагматической позиции оказывается близорукой. Вы тогда не удивляйтесь тому, что, когда вы окажетесь в беде, к вам не придет помощь.

Впрочем, И. Кант, как известно, пошел дальше, создав свой знаменитый категорический императив, в основе которого лежит понятие «доброй воли». Истинно нравственным и, соответственно, моральным философ считал такое отношение к окружающим, когда желание делать добро не связывается с той или иной причиной, а является органичной потребностью делания добра ради добра, как некоторый естественный душевный порыв. Именно так человек, по мнению И. Канта, обретает полную свободу, *добровольность* (добрую волю) в своих действиях и поступках. Это требование мыслителя не потеряло своего значения и для современной духовно-нравственной культуры. Например, распространенное в наше время волонтерство не всегда основывается на идее *добровольчества*, сопровождается сплошь и рядом ка-

рьерными соображениями, получением прямых или скрытых выгод, что в значительной мере дискредитирует само это движение.

Таким образом, равнодушие к проблемам и неблагополучиям окружающих становится решающим условием обретения человеком морального сознания. Отметим, что установка на «невмешательство» формирует в человеке равнодушие или, еще точнее, бездушие как норму социального существования.

Примечательно, что создатель этики Аристотель связывал нравственные и моральные качества прежде всего с душевными качествами, т. е. способностью к нравственным чувствам. Именно их, по его мнению, и должна изучать в первую очередь этика. Умственные же способности человека призвана изучать дианетика. Для современной духовно-нравственной культуры формирование соответствующей «культуры чувств», где особая роль принадлежит способности к состраданию, сопереживанию, стремлению к соучастию в решении проблем окружающих, не потеряло своего значения.

Для более глубокого понимания сущности характеристик нравственности и морали, а также их взаимосвязи имеет смысл более подробно рассмотреть некоторые положения Аристотеля как основоположника этики. Свои основные представления об этике мыслитель изложил в труде «Никомахова этика» [1, 492 с].

Уже в самом начале своего сочинения Аристотель связывает обретение добродетели с человеческим счастьем: «Счастье – это определенного качества деятельность души сообразно добродетели... Для счастья же главное – деятельности сообразно добродетели, а противоположные деятельности – для противоположного счастью» [1, 56–57]. При этом, по мнению Аристотеля, если умственные добродетели развиваются через обучение, то душевные (нравственные) добродетели формируются привычкой (этикой). В этом суждении заложена целая программа возможного формирования духовно-нравственной культуры личности. Выражаясь современным языком, основой нравственного развития личности должен быть специально организованный «поведенческий тренинг», формирующий определенные привычные стереотипы поведенческих реакций на социальное окружение. Применительно к сфере образования это означает не просто получение тех или иных знаний о нравственных и моральных нормах; приобретение знаний, умений и навыков в той или иной деятельности, но и создание условий для реализации этих умений, знаний и навыков в деле общественного служения, в повседневной жизнедеятельности во взаимоотношениях с окружающими.

Именно через специально организуемую социально значимую деятельность осуществляется нравственное развитие личности так как, по мнению Аристотеля, «... ни одна из нравственных добродетелей не врождена нам по природе,

ибо все природное не может приучаться... к чему бы то ни было. Так, например, камень, который по природе падает вниз, не приучишь подниматься вверх, приучай его, подбрасывая вверх хоть тысячу раз...» [1, с. 64]. И далее: «Добродетели существуют в нас не от природы и не вопреки природе, но приобрести их для нас естественно, а благодаря приучению... мы в них совершенствуемся» [1, с. 64].

Свой вклад, по мнению философа, в духовно-нравственное развитие должны вносить и законодатели, способствующие распространению в обществе добродетели. И именно этим отличается хорошее государственное устройство от плохого. Это суждение Аристотеля является как нельзя актуальным и сейчас, потому что распространенный отрыв законодательной и правовой практики от морали приводит к правовым действиям по известной поговорке «Закон, что дышло – куда повернул, туда и вышло». Упование на правовое государство в отрыве от моральных норм сплошь и рядом приводит к аморальным результатам с помощью законодательства или с использованием «дыр» в этом законодательстве. Примеров тому можно привести множество, начиная от грабительской «узаконенной» приватизации, кончая некоторыми аморальными в своей основе правовыми решениями в сфере образования.

Приобретаемые добродетели Аристотель напрямую связывает с обретением удовольствий, прекрасным, полезным и с избеганием страданий, постыдного, вредного. Для дости-

жения этого результата необходимо частое повторение «правосудных и благоразумных поступков» [1, с. 69].

Основным путем к этому, по мнению Аристотеля, является формирование способности владеть своими страстями, придерживаясь в проявлении чувств, влечений «золотой середины». На первый взгляд, эта позиция философа выглядит чрезмерно рассудочной и схематичной. Например, разве можно избежать определенной страстности в художественном творчестве? На самом деле речь идет о проявляемой некоторыми людьми не только распушенности в повседневных чувствах и эмоциях, которые лишены того или иного нравственного содержания, но и чрезмерно вялом эмоциональном проявлении там, где это необходимо (например, необходимость праведного гнева, не переходящего в истерию и ожесточение).

В этой связи нельзя не отметить важность навыков саморегуляции, «чувства правды», позитивных мировоззренческих установок как противовес невротическим, натуралистическим проявлениям в повседневной жизнедеятельности в качестве результата разнузданных инстинктивных реакций бессознательного, часто даже животного (например, в современной поп-музыке) характера. Избегать, по мнению Аристотеля, надо не только крайностей в проявлении чувств, но и некоторых страстей, которые всегда (безотносительно к «золотой середине») являются порочными. Этим утверждением Аристотель предвосхитил одно из фундаментальных

положений многих религиозных этических систем, в которых порицаются многие стороны эмоциональной жизни человека как изначально деструктивные и безнравственные.

Введенная Аристотелем мера «золотой середины» в проявлении тех или иных личностных качеств представляет интерес и для современной практики формирования духовно-нравственной культуры личности в качестве своеобразного индикатора, фиксирующего зависимость человека от тех или иных страстей, влечений, пороков и дурных привычек. Через «серединность», предложенную философом, можно также оценивать уместность (или неуместность) предлагаемого эмоционального содержания, особенно произведений массовой художественной культуры, часто невротизирующих, психически травмирующих зрителя, слушателя вместо обретения ими душевной гармонии и психической уравновешенности.

Те же, кто категорически настаивает на необходимости отказа от «золотой середины» в своих личностных проявлениях, по мнению Аристотеля, обнаруживает собственные, неуправляемые зависимости от соответствующих страстей: «...чем более мы склонны к чему бы то ни было, тем более это кажется противоположным середине. Например, мы сами от природы более склонны к удовольствиям, и потому мы легче склоняемся к распущенности, нежели к скромности... И конечно, мы считаем более резкой противоположностью середине то, к чему в нас больше приверженность... а пото-

му распушенность, будучи излишеством, резче противопоставляется благоразумию, чем бесчувственность» [1, с. 77–78].

Аристотелем также рассматривается и мера ответственности человека за собственные поступки и проявления чувств. Для этого он вводит признак добровольности (или недобровольности) в личностных проявлениях: «Поскольку [нравственная] добродетель связана со страстями – претерпеваниями и поступками, причем за добровольные страсти и поступки хвалят или осуждают, а недобровольным сочувствуют и иногда даже жалеют за них, то при внимательном исследовании добродетели необходимо, вероятно, разграничить добровольное и недобровольное; это пригодится и законодателям, при назначении наград... и наказаний» [1, с. 81].

Фактически здесь Аристотель ставит одну из актуальнейших проблем, важных и для современного общества – проблему установления вменяемости при совершении того или иного проступка, асоциального действия, преступления. Эту проблему философ предлагает решать следующим образом: «Едва ли правильно считать недобровольным то, что совершается в ярости или по влечению... Во-первых, потому, что тогда ни одно другое живое существо, ни даже ребенок не будет поступать добровольно, а во-вторых, возникает сомнение: то ли ни один поступок по влечению и в ярости не бывает добровольным, то ли прекрасные поступки добровольны, а постыдные – недобровольны. Но разве это не смешно, коль

причина у поступка одна? И должно быть, нелепо утверждать, будто недобровольно то, чего следует хотеть, ведь и гневаться на что-то следует и влечение к чему-то испытывать, скажем, к здоровью или знанию. Считается, что недобровольное приносит страдания, а совпадающее с влечением – удовольствия. Какая, наконец, разница с точки зрения недобровольности, по расчету... или в порыве ярости... совершены проступки? Ведь, с одной стороны, следует избегать и тех и других, а с другой – страсти, чуждые рассуждения не менее свойственны человеку, нежели разумный расчет. А значит, поступки в порыве ярости и по влечению свойственны человеку, и потому такие поступки нелепо считать недобровольными» [1, с. 85].

Не вдаваясь в чисто правовые тонкости меры ответственности человека за проступки, совершенные под влиянием тех или иных психических состояний, отметим важность формирования с моральной точки зрения соответствующих «внутренних готовностей» к той или иной активности на индивидуально-личностном уровне. Сам момент зарождения во внутреннем мире человека преступлений, аморальных поступков глубоко раскрывается в религиозной, философской и художественной литературе. Далее мы рассмотрим этот аспект нравственности и морали более подробно. Сейчас же отметим важность для формирования духовно-нравственной культуры личности изучения произведений художественной литературы в этом аспекте.

Интересна и трактовка Аристотелем проблемы влияния на меру правовой ответственности проступков, совершенных по незнанию соответствующих законов. Как известно, в современной правоприменительной практике господствует тезис: «Незнание закона не освобождает совершившего правонарушение от правовой ответственности». Аристотель дает этому тезису моральное толкование: «И за неведение в законах чего-то такого, что знать положено и нетрудно, наказывают, точно так и в других случаях, когда считают, что неведение обусловлено невниманием, так как тут неведение зависит от самих людей, ведь быть внимательным – это в их власти. Но, может быть, человек таков, что не способен проявить внимания. Однако люди сами виноваты, что стали такими от вялой жизни, так же как сами бывают виноваты, что делаются неправосудными или распущенными: одни – делая зло, другие – проводя время в попойках и тому подобных занятиях, ибо деятельности, связанные с определенными вещами, создают людей определенного рода» [1, с. 9].

Таким образом, та или иная правовая некомпетентность, по мнению философа, связана прежде всего с аморальным в том или ином отношении образом жизни. Такой подход позволяет глубже понять содержание и смысл формирования правовой культуры, в нем наряду с правовым просветительством основное внимание следует уделять формированию образа жизни у воспитуемых, исключаяющих саму возможность совершения преступлений. По мнению Аристотеля, в

этом случае возникает известная гарантия адекватных действий даже при неопределенных правовых ситуациях: «При опасностях, известных заранее, выбор можно сделать по расчету и рассуждению, но при внезапных – по устоям» [1, с. 10]. «Устой» – это и есть, по сути дела, основные *устойчивые* компоненты принятого повседневного образа жизни, которым необходимо уделять особое внимание в формировании духовно-нравственной культуры личности и общества.

Подводя некоторые итоги рассмотрения понятий «нравственность» и «мораль», можно сделать вывод, что уже древние мыслители видели их глубокую взаимосвязь, которую в общем виде можно представить как взаимосвязь индивидуальных нравственных устремлений, присутствующих во внутреннем мире личности и тех или иных социально значимых моральных поведенческих норм в виде соответствующих усредненных стандартов в качестве общепризнанных эталонов взаимодействия людей с окружающим миром. Но здесь неизбежно возникает проблема, которую можно выразить известным вопросом-изречением из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» – «А судьи – кто?». Другими словами, кто устанавливает общепринятые моральные нормы и кто дал ему это право? Так возникает известный **парадокс моральной оценки**.

Суть его заключается в том, что те люди, которые пытаются давать те или иные моральные оценки кому-либо, не имеют изначально на это опять же морального права, поскольку

сами не могут быть абсолютно безупречными в моральном отношении. Если же они уверены в своей абсолютной непогрешимости, то они перестают быть самокритичными и, соответственно, небезупречными в нравственном отношении. Характерным в этой связи является высказывание известного гуманиста-этика А. Швейцера: «Чистая совесть – изобретение дьявола». Отмечается также, что «в такой ложной роли чаще всего выступают люди, которые занимают более высокие ступени в социально-иерархических структурах (руководители по отношению к подчиненным, учителя по отношению к ученикам и т. д.). ...*Те, кто мог бы вершить моральный суд, не будут этого делать; тем, кто хотел бы вершить моральный суд, нельзя этого доверять*» [14, с. 37].

Как же быть? Получается, что вообще нельзя никого морально осуждать? Разрешение этого парадокса лежит в плоскости моральной самооценки («Врачу – исцелися сам!»). Это означает память об известной христианской заповеди: «каким судом судите, *таким* и сами будете судимы; и какою мерою мерите, *такую* и вам будут мерить» [Мтф. 7:2]. Более того, чем человек внимательнее к собственным моральным несовершенствам, тем у него больше возможностей помочь другим преодолеть соответствующие моральные несовершенства. В этом плане чрезвычайно плодотворным представляется следование самими воспитателями, формирующими духовно-нравственную культуру, продолжению выше-названной заповеди, которому не уделяют должного внима-

ния. А звучит это продолжение так: «И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь? Или, скажешь брату твоему: „Дай, я выну сучок из глаза твоего“; а вот, в твоем глазе бревно? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, *как* вынуть сучок из глаза брата твоего» [Мтф. 7:3–5]. Обратим внимание на то, что слово «как» выделено в Евангелии. И в этом видится большой душеспасительный и духовно-нравственный смысл. Только осознав свои несовершенства, ты сможешь найти средства помочь другому.

Соответственно, к людям, которые не проявляют должного отношения к моральным нормам, следует относиться как к людям, терпящим бедствие, а не как к обвиняемым. Эта позиция широко представлена в православной педагогике и учении Отцов Церкви, настаивающих на том, что ненавидеть надо не носителя греха, а сам грех в человеке. В этом случае тот, кто берет на себя миссию «исправления нравов», должен скорее занять позицию врача, который любит всех своих пациентов, борясь с их болезнями. В этой связи становится понятным, на первый взгляд, странное завещание одного из персонажей в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского, призывающего относиться ко всем людям и к самим себе как к «больным» (т. е. так или иначе поврежденным грехом). В парадоксе моральной оценки содержится также требование избегать постоянного восхваления кого-либо в назидание другим, чем грешат многие педагоги и родители, пото-

му что тогда заведомо возникает неоправданное разделение людей на «овец» и «козлиц» без какой-либо надежды исправиться морально несовершенным людям.

Но в практическом делании добра, стремлении помочь людям в преодолении их слабостей, трудностей, зависимостей, несовершенств заложен еще один «подводный камень», который обозначается известным выражением «Благими намерениями дорога в ад вымощена». Возникает еще один парадокс, названный **«парадоксом морального поведения»**. Суть этого парадокса заключается в иллюзии, что намерения могут быть добрыми, а поступки в результате этого намерения оказаться злыми. Приведем некоторые примеры, иллюстрирующие этот парадокс. Один человек делает своему другу много добра и в результате получает неблагодарность. На этом основании многие делают вывод, ставший достаточно расхожим суждением: «Не делай добра – не получишь зла». Другой пример – любящая мать воспитывает своего ребенка, проявляет образец жертвенной родительской любви. В результате получает бессердечного, холодного эгоиста, не оценившего эту любовь. В чем же тут дело?

Здесь имеет смысл вернуться к рассмотренному нами выше различению понятий «нравственность» и «мораль». Если с позиций общепринятой морали, т. е. внешних поведенческих норм, человек может действовать безупречно, то внутренние его нравственные установки (не всегда даже осознаваемые) могут оказаться далеко не безупречными. В приве-

денных нами выше примерах можно предположительно выявить определенную «нравственную слепоту» в дружбе и родительской любви, которая проявляется в том, что добрые намерения любящих на поверку оказываются злыми. Здесь добро проявляется без учета индивидуальных особенностей адресатов этого добра. Делатели добра действуют по собственному усмотрению, не проявляя должного внимания к реальным проблемам тех, кому они оказывают благодеяние. Тем самым они только усугубляют эти проблемы вместо того, чтобы их разрешить.

Рассмотренный парадокс морального поведения позволяет сделать чрезвычайно важный вывод для практики формирования духовно-нравственной культуры. Как это ни звучит тривиально, достаточно вдуматься в само словосочетание «духовно-нравственное». Истинная мораль и моральность формируется на основе нравственного развития личности в сочетании с духовным самосовершенствованием, что предполагает наличие основного акцента в формировании духовно-нравственной культуры на внутреннем мире личности (ее мыслях, чувствах, влечениях, намерениях), но не на дрессуре «правильного поведения». Последнее должно быть вторичным, производным по отношению к влиянию на мировоззрение и мирочувствование объектов духовно-нравственного воздействия. Это не означает недооценки соответствующего «поведенческого практикума». Специально организуемая поведенческая активность должна проявляться

в той мере, в какой она способствует совершенствованию внутренних личностных качеств, без которых теряет всякий духовно-нравственный смысл овладение теми или иными «внешними навыками» (поведенческими, исполнительскими, коммуникативными и т. д.).

2. Институциональные и внеинституциональные возможности формирования духовно-нравственной культуры. Потенциал их взаимодействия в российском обществе

Рассмотренные выше основные характеристики духовно-нравственной культуры позволяют сформулировать ряд требований к ее формированию с использованием институциональных и внеинституциональных возможностей. К первым относятся в основном учреждения культуры и образования, а также семья как пространство духовно-нравственного воспитания личности. Рассмотрим эти возможности подробнее.

Необходимо возродить принцип воспитывающего обучения, который в последнее время сплошь и рядом подменяется задачей социализации личности, в значительной мере заимствованной из западноевропейской педагогической традиции. Под социализацией личности в современной педагогической практике преимущественно понимается процесс адаптации к окружающей социальной среде. Это означает

овладение умениями и навыками, необходимыми для освоения социальных ролей, требуемых обществом. Для полноценного развития личности и даже ее адаптированности в обществе этого недостаточно. Так, актуальной остается задача развития творческого потенциала личности, способной не только приспосабливаться (как это свойственно законченным конформистам) к окружающей среде, но и преобразовывать последнюю «по законам добра и красоты».

Сложившийся в образовательной практике крен в сторону овладения образовательными стандартами и усредненными навыками воспроизводства тех или иных культурных образцов привел к тому, что оказалась «потерянной» сама личность учащегося, ее внутренний мир, переживания, индивидуальные интересы безотносительно к той или иной социально значимой деятельности.

Из педагогических программ и учебных курсов исчезли такие задачи, как формирование мировоззрения, духовно-нравственное развитие личности, воспитание тех или иных личностных качеств. Вместо этого везде, где можно, вводятся понятия «компетенции», «умения и навыки», «знания», касающиеся будущей профессии, исполнительской деятельности, развития специальных способностей и т. д. Мы не склонны противопоставлять процесс обучения процессам воспитания. Важнее отметить необходимость первичности воспитательных задач, которым должны подчиняться обучающие задачи.

Эта проблема выходит далеко за рамки педагогики. За этой сменой акцентов стоит вполне определенный взгляд на человека. Вместо доминирования исходной установки на идеал личности (как личности «действующей», «успешной», «предприимчивой») как главный, необходимо реанимировать идеал личности «мыслящей», «рефлексирующей», «чувствующей», где соответствующая поведенческая активность является производной. Это предполагает отказ от чрезмерного увлечения педагогическими технологиями, методиками, превращающими человека в нерассуждающего исполнителя, вписанного в те или иные социальные стандарты, где в лучшем случае развивается инструментальное (читай: прагматическое, но не отвлеченное) мышление и профессиональные навыки в той или иной деятельности без смысложизненных ориентиров. Результат – сформированный конформный, безликий, нетворческий, эмоционально неразвитый индивид с низким уровнем духовно-нравственной культуры.

Одним из важнейших социальных институтов, призванных осуществлять духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения, является также семья. Имеет смысл остановиться на этом институте более подробно. Встречаемая неэффективность воспитательного воздействия семьи на детей, подростков и молодежь вызвана чаще всего неблагополучием внутрисемейных взаимоотношений.

Именно низкая культура таких взаимоотношений часто

является основной причиной распада семей, внутрисемейных конфликтов, социального неблагополучия многих семей. В основе многих супружеских и родительских проблем лежит противостояние различных отношений у каждого из супругов, родителей к одним и тем же событиям, фактам, иногда достигающего уровня взаимного острого неприятия друг друга как самоценных личностей. Проблемы между супругами могут принимать форму открытой или скрытой агрессии. В обоих случаях их действие может оказаться достаточно разрушительным для благополучия ребенка в семье.

Проблема супружеской жизни обычно связана с той или иной сложной психологической проблемой. В период становления молодой семьи такие проблемы переживаются особенно тяжело.

Среди наиболее распространенных причин возникновения проблем в браке между супругами можно выделить завышенные притязания супругов на брак как главное условие жизненного благополучия. В последнее время все чаще встречаются такие источники супружеских проблем, как супружеская неверность, пьянство одного из супругов, грубость и различия в духовных интересах и потребностях.

Определение характера проблем зависит от того, способствуют ли они сохранению и развитию супружеских отношений. По этому основанию все имеющиеся проблемы в семье рассматриваются как конструктивные (они желательны и да-

же иногда необходимы для развития положительных взаимоотношений в браке) или как деструктивные (препятствующие адаптационным процессам). Следствием деструктивных проблем является сохранение на длительное время напряженности между супругами после ссоры. Оба партнера в семьях с преобладанием деструктивных проблем считают реальной угрозой развода. Конструктивные проблемы предполагают снятие напряженности в отношениях партнеров. Хотя после ссоры и остается тяжелый осадок, но супруги начинают бережнее относиться друг к другу, стремятся лучше понимать друг друга. Впоследствии такая ссора воспринимается как случайность, недоразумение.

Специалистами отмечается, что наиболее общие кризисные моменты первых лет супружества весьма похожи у большинства молодых пар, хотя и существенно различаются у мужчин и женщин. Мужчины в целом, несмотря на традиционное отнесение их к сильному полу, более чувствительны к материально-бытовым неудобствам и трудностям физической адаптации. Женщины же проявляют наибольшую обеспокоенность недостаточностью (с их точки зрения) проявления со стороны своих супругов чувства любви и уважения, потерей романтического тона добрачных ухаживаний. Новый, весьма сложный образ жизни, груз семейных обязанностей, неустроенность быта и прочие связанные с началом совместной жизни вещи оказываются для многих супружеских пар неожиданной, неприятной, а порой и неподъемной

ношей. К числу основных причин супружеских проблем и разводов в семьях относят установку на брак как на нечто «легкое». Проявляется эта установка в следующих четырех вариантах:

- неподготовленность молодых людей к резкому изменению образа жизни;
- сложность отношений между поколениями (в первую очередь с собственными детьми);
- гедонистическое отношение к браку (когда от него ждут одних только приятных неожиданностей);
- отсутствие подготовки к выполнению всего комплекса функций, необходимых в браке.

Все эти проблемы могут быть в значительной мере решены в процессе формирования духовно-нравственной культуры. Это – семейные клубы выходного дня; организация семейных праздников в учреждениях культуры и образования; разнообразные зрелищно-игровые программы, способствующие укреплению семейных взаимоотношений, повышению культуры семейного досуга, общению родителей с собственными детьми.

Наиболее распространенной причиной и мотивом расторжения брака, по данным исследований, является несовместимость характеров и соответствующее пренебрежение к личностным особенностям друг друга.

Около 25 % семей распадаются из-за супружеской неверности и примерно столько же из-за утраты чувства любви.

Мотив развода «несходство характеров» является трудно определяемым. Чаще всего он скрывает за собой неприятие каких-то личностных черт супруга, не сводимых в своей совокупности к характеру отвергаемого. Соответственно, разнообразный опыт семейного досуга (например, в семейных клубах) позволяет супругам лучше узнать друг друга, выработать разумные компромиссы в решении семейных конфликтов, найти больше общих интересов, минимизирующих личностные различия членов семьи, отрицательно влияющих на личность ребенка в семье.

Особенно обострены проблемы в период первичной брачной адаптации, когда формируются общие представления о браке и семье. Как правило, это происходит в результате столкновения взглядов мужа и жены на семейную жизнь. Наиболее устойчивой проблемой в браке является резкое несовпадение у супругов представлений о супружеской жизни, в чем-то противоречащих друг другу. Очевидно, что необходима разнообразная информационно-просветительная работа среди детей и подростков, позволяющая им своевременно выработать общие цивилизованные представления о нормах семейной жизни, расширить свои представления о супружеских обязанностях. Достаточно сослаться на пример массового клубного движения в США «Юные домохозяйки Америки», представляющего собой систему клубов девочек, начиная с младшего школьного, кончая старшим школьным возрастом. Здесь будущие жены и матери обу-

чаются основам домоводства, умению одеваться, общаться, различным досуговым занятиям, искусствам и т. д., так или иначе формирующих образ будущей хранительницы очага.

Не менее важно создание программ формирования духовно-нравственной культуры, способствующих сохранению романтических отношений между мальчиками и девочкам и способствующих в дальнейшем складыванию прочных семейных союзов. Особая роль здесь принадлежит литературе и искусству, празднично-игровым программам, организуемым в учреждениях культуры и образования.

Детскими психологами отмечается, что подавляющее число проблем детей и подростков связано с неотлаженными взаимоотношениями родителей. В свою очередь, супружеские конфликты – это противоборство между членами семьи на основе столкновения противоположно направленных мотивов и взглядов. Супружеские конфликты имеют свои особенности, учет которых необходим при предупреждении и разрешении таких конфликтов.

Выделяемые специалистами наиболее типичные супружеские конфликты могут рассматриваться одновременно и как направления соответствующей практики формирования духовно-нравственной культуры, содействующей разрешению этих конфликтов. Среди этих конфликтов можно выделить следующие:

- ограничение свободы активности, действий, самовыражения супругов – соответственно актуальна организация

программ, способствующая реализации творческого потенциала супругов, начиная от различных хобби, кончая семейной самодеятельностью. Именно в таких семьях дети и подростки получают наглядные образцы творческого, значимого в духовно-нравственном отношении социально-конструктивного поведения.

- отклоняющееся поведение одного или обоих супругов (алкоголизм, наркомания и т. д.) – соответственно, необходимо общее повышение культуры досуга семей, включая культуру праздничного застолья, празднования различных дат, Дни рождения детей, именины, другие детские праздники;

- наличие противоположных интересов, устремлений, ограниченность возможностей для удовлетворения потребностей одного из супругов – соответственно, возможна психологическая и педагогическая помощь, консультирование супругов, проведение игровых тренингов для родителей, способствующих их лучшему взаимопониманию;

- авторитарный, жесткий тип взаимоотношений, сложившихся в браке в целом – «разомкнуть» эту авторитарность лучше всего через организацию общения между собой различных семей (например, через семейные клубы), чтобы появилась возможность коррекции той или иной авторитарности в сравнении с другим семейным опытом;

- наличие трудноразрешимых материальных проблем – расширение социальных связей между семьями через клуб-

ное общение, межсемейный досуг повышает шансы взаимопомощи семей, в том числе и для решения воспитательных проблем (как это распространено, например, в религиозных общинах).

Первый кризисный период в развитии супружества наблюдается в первый год супружеской жизни. В этот период происходит адаптация супругов друг к другу. Вероятность разводов в этот период составляет до 30 % от общего числа браков.

Второй кризисный период связан с появлением детей. Рождение ребенка для многих семей является серьезным испытанием. У супругов появляются новые нелегкие обязанности по уходу за ребенком, его воспитанию. В связи с этим у них существенно ограничиваются возможности для профессионального роста, для реализации своих интересов. Возможны столкновения взглядов супругов и их родителей по вопросам воспитания ребенка. В этот период усталость жены, связанная с уходом за ребенком, может привести к временной дисгармонии сексуальных отношений.

Третий период кризиса супружества совпадает со средним супружеским возрастом (10–15 лет совместной жизни), который характеризуется пресыщенностью друг другом, появлением дефицита чувств. А это как раз подростковый возраст их ребенка.

Очевидно, что неудачные браки, таким образом, связаны в значительной мере с **низкой духовно-нравственной**

культурой внутрисемейных взаимоотношений, что отрицательно сказывается на воспитании детей и подростков.

Можно сделать вывод о том, что большинство проблем родителей, негативно влияющих на личность детей и подростков, связано не с внешними факторами, а с личностными характеристиками супругов, которые в значительной мере могут формироваться через разнообразный опыт формирования духовно-нравственной культуры с участием самих семей.

Среди неинституциональных возможностей формирования духовно-нравственной культуры личности в первую очередь следует выделить те или иные неформальные общности и группы, оказывающие влияние на внутренний мир личности. Здесь особое место занимают детско-подростковые и молодежные неформальные объединения, которые являются для их участников не только зоной ближайшего развития, «пробованием» себя в различных обстоятельствах, но и формой социальной защиты от казенного педагогического насилия официальных организаций, «мира взрослых». Этой цели служит и своеобразное демонстративное поведение многих детей и подростков в таких группах с элементами «масочной», театрализованной активности, часто скрывающей их социальную незащищенность и духовно-нравственное неблагополучие. Именно эту социально-психологическую особенность можно использовать в формировании духовно-нравственной культуры на основе огромного потен-

циала игровой и театральной деятельности.

«Неформалы», так или иначе, отрицают современное состояние общества. Причем духовно-нравственный идеал они ищут или в «золотом веке», а также в придуманной кем-то литературно-художественной реальности (вспомним, например, «толкиенистов», поклонников Гарри Поттера, «готов») или в далеком будущем (популярность, например, жанра фэнтези). Такое «ментальное путешествие» имеет глубокий жизнестроительный смысл, связанный с необходимостью преемственности культурных традиций и общественных духовно-нравственных идеалов. В зависимости от принятых тем или иным сообществом духовно-нравственных установок мы имеем дело с нереализованной в полной мере потребностью в обретении подрастающим поколением смысла жизни.

Очевидно, что вовлечение разнообразных неформальных общностей в сферу деятельности учреждений образования и культуры для обеспечения неформалов полноценным духовно-нравственным и культурным контекстом является одной из важнейших социальных задач.

3. Роль литературно-художественных традиций в русской ментальности как предпосылки формирования духовно-нравственной культуры

Одной из отличительных особенностей русской ментальности является ее взаимосвязь с художественным осмыслением духовных ценностей. Соответствующая духовная практика в лучших своих образцах не только отражает наиболее насущные духовные проблемы общества и человека, но и сама ориентирована на духовное познание и самопознание, значимое для отечественной культуры и существования русского суперэтноса.

Среди духовно-художественных традиций в русской ментальности особое место принадлежит русской художественной литературе, ставшей по праву одним из достижений человеческой культуры мирового значения. В контексте культурологического и общегуманитарного знания в этой связи выделяют такие ее характеристики, как антропологичность и антропоцентричность. Некоторый парадокс заключается в том, что культурология как наука, представленная за рубежом преимущественно в качестве социальной и культур-

ной антропологии, недостаточно использует уже накопленные мировым литературным творчеством знания о человеке и обществе, где одно из ведущих мест принадлежит русской художественной литературе. Соответственно, одной из первоочередных исследовательских задач является включение в исследовательский массив культурологической науки этой литературы, содержащей глубокое и разнообразное знание о внутреннем мире человека, его духовных и нравственных проблемах, имеющих наиболее близкое отношение к ментальным структурам личности и общества.

В качестве доминанты основного содержания произведений русской художественной литературы можно выделить идею сохранения и становления человека, служащего своему отечеству, людям, ближним. Необходимо при этом отметить, что идея служения, по мнению многих русских писателей, должна пронизывать не только публичную, гражданскую жизнь человека, но и частную, приватную, включая любовные и дружеские взаимоотношения. На этой идее основан внутренний пафос большинства литературных произведений русской художественной классики. Именно это свойство национального русского характера и отличает его от представителей многих других этносов, культур, цивилизаций.

Альтруистические мотивы социального поведения достаточно часто рассматриваются русскими писателями как условие личного человеческого счастья, которое в этом слу-

чае достижимо в результате не только любви к ближнему, к людям, вплоть до самопожертвования, но и в результате ответного соответствующего отношения со стороны окружающих.

Русская художественная литература изобилует персонажами, эпизодами, в которых прямо или косвенно содержится призыв к современному обществу, к каждому человеку проявлять готовность к состраданию, сочувствию, уважению друг к другу, начиная от гоголевской «Шинели», кончая творчеством Л. Толстого и Ф. Достоевского.

Ментальность русского человека всегда связана так или иначе с ориентацией на значимость «другого» как предмет заботы. Эту внутреннюю устремленность, готовность к гуманистическому самопроявлению в сжатом виде сформулировал Ф. М. Достоевский:

«Сильно развитая личность, вполне уверенная в своем праве быть личностью, уже не имеющая за себя никакого страха, ничего не может и сделать другого из своей личности, то есть никакого более употребления, как отдать ее всю всем, чтоб и другие все были точно такими же самоправными и счастливыми личностями. Это закон природы; к этому тянет нормального человека. Но тут есть один волосок, один самый тоненький волосок, но который если попадет под машину, то все разом треснет и разрушится. Именно: беда иметь при этом случае хоть какой-нибудь самый малейший расчет в пользу собственной выгоды» [16, с. 429]. Но и само

общество (у Достоевского именуемое «братством») имеет по отношению к такой личности встречные обязательства: «А братство, напротив, должно сказать: „Ты слишком много даешь нам. То, что ты даешь нам, мы не вправе не принять от тебя, ибо ты сам говоришь, что в этом все твое счастье; но что же делать, когда у нас беспрестанно болит сердце и за твое счастье. Возьми же все и от нас. Мы всеми силами будем стараться поминутно, чтоб у тебя было как можно больше самопроявления. Никаких врагов, ни людей, ни природы теперь не бойся. Мы все за тебя, мы все гарантируем тебе безопасность, мы неусыпно о тебе стараемся, потому что мы братья, мы все твои братья, а нас много и мы сильны; будь же вполне спокоен и бодр, ничего не бойся и надейся на нас“. После этого, разумеется, уж нечего делиться, тут уж все само собою разделится. Любите друг друга, и все сие вам приложится» [там же, с. 429–430].

В приведенной цитате глубоко симптоматично название окружающей человека социальной среды «братством». Такие «родственные» отношения, складывающиеся у человека с окружающими людьми (пусть даже не всегда позитивной социальной направленности), позволяют говорить о специфической социальности русского человека, традиционно отличающей ее от социальности людей западноевропейской культуры. Можно утверждать, что взаимоотношения представителей русского суперэтнуса с социумом чаще всего складываются на шкале между полюсами «формальное» –

«неформальное».

В произведениях русской литературы переход от одного полюса к другому составляет характерную особенность многих сюжетов, поведения персонажей. Это движение составляет одну из своеобразных черт поэтики литературного творчества лучших русских писателей, испытывающих на «прочность» сложившиеся социальные нормы, правила, взаимоотношения в обществе с позиций человечности, гуманизма, сострадания, а также «внутренних готовностей» персонажей к преодолению собственных страстей, пороков, влечений, препятствующих их «очеловечению» и духовному развитию.

Характерной в этой связи является устойчивая ориентация в произведениях русской классической драматургии на «срывание» масок со своих персонажей для обнажения их внутренней сущности чаще всего с позиций христианской морали. «Маски» и роли в русском театре часто показываются как аналог тех социальных ролей, которые человек играет в обществе («формальное»). Они вступают сплошь и рядом в антагонистическое противоречие с внутренним миром театральных героев (с «неформальным»).

При этом в своих социальных взаимодействиях они сплошь и рядом переходят органично от одного полюса к другому. Используя современную терминологию, можно сделать вывод, что в традиции русской культуры находится стремление непринужденно переходить от формальных к

неформальным взаимодействиям и наоборот на основе милосердия, сострадания, сочувствия, симпатии, любви и т. д. Эти переходы осуществляются на сугубо эмоциональной основе, лишенной обязательной прагматики и меркантилизма.

Ф. М. Достоевский, оценивая путь, который проделала русская художественная литература, в свое время произнес известное суждение о том, что его поколение писателей вышло из гоголевской «Шинели». Это суждение можно считать «знаковым», поскольку именно в этом произведении впервые с небывалой ранее пронзительностью и человечностью была поднята проблема, являющаяся одной из главных забот в русской ментальности – проблема сострадания и сочувствия к человеку независимо от его заслуг, социального положения, способностей и т. д. Ключевым эпизодом в этом плане является эпизод в «Шинели» Н. В. Гоголя, показывающий неожиданную реакцию одного из молодых чиновников на ставшие уже привычными издевательства над мелким служащим, главным героем произведения Акакием Акакиевичем, жалобно вопрошающим своих учителей:

«„Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?“ И что-то странное заключалось в словах и в голосе, с каким они были произнесены. В нем слышалось что-то такое преклоняющее на жалость, что один молодой человек, недавно определившийся, который, по примеру других, позволил было себе посмеяться над ним, вдруг остановился, как будто пронзенный, и с тех пор как будто все переменилось перед ним и пока-

залось в другом виде. Какая-то неестественная сила оттолкнула его от товарищей, с которыми он познакомился, приняв их за приличных, светских людей. И долго потом, среди самых веселых минут, представлялся ему низенький чиновник с лысинкою на лбу, с своими проникающими словами. „Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?“ – и в этих проникающих словах звенели другие слова: „Я брат твой“. И закрывал себя рукою бедный молодой человек, и много раз содрогался он потом на веку своем, видя, как много в человеке бесчеловечья, как много скрыто свирепой грубости в утонченной, образованной светскости, и, боже! даже в том человеке, которого свет признает благородным и честным...» [9, с. 143–144].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.